

Все мои
ЖИЗНИ

Тая Дариан

Тая Дариан

Все мои жизни

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70649704
SelfPub; 2024*

Аннотация

Я помню белые столбы перед входом, до ослепительного блеска вымытые окна и запах черемухи. Когда весна расцветала в нашем саду, огромное дерево черемухи окутывало всех ароматом и белоснежностью цветов. Ранним утром, солнце еще только касалось своими лучами горизонта, а природа сонно и лениво умывалась росой, я бежала в сад к черемухе...До сих пор я вспоминаю этот запах, это очарование весны и белый черёмушкин наряд.

Содержание

1. Тайна.	4
2. Я помню.	16
3. Признание.	27
4. Своих не бросаем.	29

Тая Дариан

Все мои жизни

1. Тайна.

Небольшая история о Софье Петровне Винарской в замужестве.

Сонечка смотрела на закат.

«Интересно», – думала она, – «Почему папа запрещает мне сюда выходить? Здесь так светло и красиво. Соне Погоржельской было 8 лет.

– Соня, ты опять сюда забралась? – В проеме балконной двери показался Петр Погоржельский.

– Девочка моя, я же просил тебя... – Пан нежно обнял дочь, и целуя в макушку снял Сонечку с карниза.

Петр Погоржельский рано овдовел. После странной смерти жены в нем жил панический страх за дочь. А смерти ли? Ее не нашли ни живой, ни мертвой.

Погоржельские любили друг друга. И в первые годы после свадьбы, и в последующие всегда и везде были вместе. Петр, как глава семьи, окружил свою Аннушку любовью, делал все

возможное, чтобы она была счастлива. Анна отвечала мужу такими же сильными чувствами, окружая нежностью и заботой, во всем доверяла. Поэтому сразу же передала ему свое приданное в управление и написала на его имя завещание. А Петр оформил завещание на свое имущество на имя Анны. Если кто-то из них уйдет раньше, чтобы у второго не было проблем с родственниками с чьей-либо стороны.

Но незадолго до исчезновения жена пана Погоржельского получила наследство от своей двоюродной тетушки. Деревеньки были захудалые, не было хозяйского контроля, но стояли на берегу богатой рыбой реки. Пани передала управление этими землями мужу, но переделать завещание не успела. Ушла с местными в лес за грибами и пропала. Любила барыня, это дело. Часто ходила в лес с женой и дочками старосты, принадлежавшей Погоржельским деревни. А как искусно она готовила, какие пироги пекла с грибами!

(Приданое жены до революции, как и всякое другое имущество, приобретённое ею или на её имя во время замужества через куплю, дар, наследство или иным законным способом, составляло её отдельную собственность, которой муж без её согласия не мог распоряжаться. Доходы от приданого должны были поступать на нужды семьи, причём каждый из супругов имел право на половину доходов. Впрочем, если собственность, входящая в состав приданого, требовала расходов, их тоже полагалось нести обоим супругам. Разумеется, жена могла передать мужу эту собственность в управле-

ние, чем активно пользовались в купеческих семьях.)

Всей деревней искали Анну, следователя с жандармами из города вызвали. Да все тщетно. Грешили на диких зверей, да ни корзины, ни остатков одежды, ничего не нашли. Только когда жандармы уехали, Катюша, дочка старосты рассказала о странном тумане, неожиданно появившемся в тот день в лесу. При следователе побоялась говорить. Ей никто не поверил. Не хотели верить в то, что окутал этот туман панночку, а когда рассеялся, на том месте никого уже не было. Поверил только один человек, пан Погоржельский. Знал, что Катя говорит правду, и от того его сердце еще сильнее рвалось на части.

Убитый горем Петр по началу забыл о неожиданном приданом своей жены. Ему было не до этого, он искал и надеялся, что Анна вернется. Но ее досужие родственники напомнили. Погоржельский понимал, что как только его жену признают мертвой, начнутся суды. У Петра и так забот был полон рот, маленькая Соня требовала внимания, вот-вот начнется посевная, начали постройку новых конюшен, скоро должны ожеребиться несколько кобыл. Лошади были его пристрастием. Он не хотел воевать за наследство жены, своего хватало.

Чтобы не сойти с ума от тоски по любимой жене, Петр загружал себя работой с утра до ночи. Мир для него стал серым, и только маленькая Сонечка сияла светлым лучиком в этом безнадежном тумане безысходности.

Каждый месяц в один и тот же день, он приходил на место, где пропала его жена. Молил Бога о помощи. Но однажды понял, что не Божьи дела творятся в этом лесу. Ведь Соня появилась в их семье благодаря туману.

В тот день Петр решил прокатиться на своем любимом Огоньке. Когда конь вдруг остановился как вкопанный и не стал идти дальше, Погоржельский почувствовал тревогу и спешился. Перед ним из-под земли стелилось небольшое облачко тумана. Оно разрасталось и разрасталось, превращаясь в густой белый кисель. Из тумана выбежал мужчина с корзиной в руке, увидев Погоржельского подбежал сунул корзину ему в руку и побежал обратно. На ходу крикнул: «Ее зовут Софья!» И исчез.

Спустя время, на дне корзины под толстым слоем пеленок, Анна обнаружила старинную книгу и странную подвеску на цепочке с изумрудом. Погоржельские решили спрятать это богатство до лучших времен. Подвеска даже без оценки ювелира выглядела как знатно дорогое украшение.

Туман еще долго клубился между деревьями, а Петр, постояв еще несколько минут, смотря на корзину с младенцем, сел на лошадь и помчался в имение своего друга. Про туман не обмолвился. Рассказал, что нашел девочку в лесу, что хочет ее удочерить, но не знает, как отреагирует жена. Сообщили Анне, чтобы срочно собиралась в дальнюю дорогу на побережье, заехав по пути к Евгению, где ее с нетерпением

ждет муж. Анна, изрядно перенервничав от неизвестности, приехав в имение друга семьи, накинулась на мужа с упреками. Но когда увидела девочку, всплеснула руками и сказала только одну фразу: «Никому не отдам». Все стало понятно без дальнейших пояснений. Вот тогда они сидя вечером за чаем и придумали гениальный план.

Им пришлось врать всем и обо всем. В срочном порядке Погоржельский отправил жену «на лечение» на побережье и распустил через «правильных» людей слух, что Аннушка уже на четвертом месяце. Сонечке нашел кормилицу, и тайно вывез и отправил к жене. Их поселили в небольшом домике, подальше от людских глаз. Через четыре месяца, Анна с ребенком на руках торжественно вернулась домой, с заранее подготовленными документами и историей о преждевременных родах. К ребенку несколько месяцев никого не подпускали. Девочка была худенькой, маленькой, поэтому спустя время особой разницы никто не заметил.

У Погоржельских долго не было детей и только в 30 лет пани родила девочку. Сонечка не была похожа ни на одного из своих родителей. Это естественно не ускользнуло от глаз прислуги и всевозможных гостей, бывающих у них. Одни поговаривали, что пани, отчаявшись родить ребенка от мужа, изменила ему, и отцом ребенка является друг пана Погоржельского, долго гостившего в имении. Другие злые языки поговаривали, что ребенка Погоржельские выкупили у цы-

ган, стоявших табором недалеко от деревни. Петр знал тайну рождения Софьи, но говорить об этом он мог только с Богом.

Потеря жены только усилила привязанность к девочке. Не верьте тому, кто сказал, что время лечит. Притупляет боль, приглушает тоску, разноцветные кадры жизни превращает в черно-белый негатив, но не лечит.

Однажды в очередной раз придя на место, где Анну поглотил туман, Петр поклялся, что никому и никогда не раскроет тайну появления Сонечки. Поклялся, что вырастит ее как родную дочь, завещав ей все их состояние, как и хотела его любимая.

– Но ведь здесь так хорошо, я хочу нарисовать уходящее солнышко. Ведь это так красиво, пап. И тропинку в лес хорошо видно. Вдруг мама будет возвращаться, а я не увижу.

– Милая моя девочка, я прошу тебя, не выходи одна на балкон, тем более не надо лазить по карнизам. Мне серьезно нужно поговорить с твоей няней. Ты кстати не знаешь где она?

– Она наве-рное,..

Соня задумалась, а потом таинственным голосом продолжила.: «Потерялась. Там в кладовке замок старый, плохо открывается и почему-то иногда сам закрывается».

Поведала дочь отцу и пожав плечами, озадаченно развела руки в стороны.

– А сегодня у кладового замка о-о-очень плохое настроение.

– Я так понимаю няню придется искать в кладовой. Идем ужинать. Завтра скажу Янке, чтобы поменял замок. Надо прихватить успокоительное.

– Надо. – Сонечка тяжело вздохнула.

– Я тут не долго сидела. Совсем чуть-чуть. Пап, а когда мама к нам вернется? В лесу так много грибов, что она там так долго?

– Вернется Сонечка, обязательно вернется. Пойдем, егоза моя.

Пан Погоржельский тяжело вздохнул, взял дочь за руку, и они пошли спасать няню. Валентина была замечательной няней. Не смотря на все проказы Сони, прощала ее, жалела и всячески баловала. Вот и сейчас сидя в кладовке, со слезами молилась, чтобы с Сонечкой ничего не случилось.

Вспомнив все что произошло восемь лет назад, сопоставив факты, Петр стал искать, спрашивать были ли похожие случаи пропажи людей в этих местах. Собирал сведения, опрашивал свидетелей и щедро платил за молчание. Нашел. И понял, что его жена может вернуться только ровно через восемь лет, в тот же день, когда появилась Соня. Догадается ли Аннушка прийти на это место спустя столько времени, будет ли жива? Петр надеялся и ждал.

И как это всегда бывает в жизни, случайно, именно в одной из деревень из новоиспеченного наследства жены, Петр Погоржельский нашел ответы на все свои вопросы. Одино-

кий старичок, который уже и не ходил, которого кормили всей деревней, рассказал Петру удивительную историю. Но взамен попросил, чтобы Погоржельский забрал их деревню себе. Иначе ничего не расскажет. Петр пытался объяснить старому Федору, что это не его наследство, а приданое жены и что деревни заберут ее родственники.

– Выкупи. – Прокряхтел Старый.

– Зимой выкупи. За дешево заберешь. Озерцо наше Русалочье очисти. И будет роду твоему благодать до конца дней твоих.

– Хорошо. Если твой рассказ мне поможет, я согласен.

И дед Федор рассказал.

– Поможет. Не перебивай токо... Русалочьим озеро называли испокон веков. Когда-то по поверью в этом озере жила красавица русалка. Влюбилась она в местного парня, деревенского кузнеца, а он все сердцем полюбил ее. Хотя возлюбленную кузнеца и называли русалкой, на самом деле она оказалась обычной ведьмой, светлой и доброй. В озере том была волшебная вода, говорили из-под земли родники били. Земля, вода и луна силу ведьмы преумножали, потому и плавала под водой как русалка, не тонула. Как-то ночью в полнолуние ее кто-то из деревенских увидел, как ныряет, как плывет словно рыба, вот и решили, что русалка в озере живет. С тех пор так и повелось. Озеро стали называть Русалочьим.

– Да только не суждено было им быть вместе. По леген-

де завистливая девица из деревни, дочка старосты от злости, что не ее первую красавицу выбрал кузнец, отравила воду в озере. Где взяла отраву, никто так и не прознал. Озеро стало чахнуть, вода потемнела, дно илом затянуло, а «русалка» пропала. На самом деле почти все так и было, только ведьма ушла домой, когда пришло время.

– Предание гласит, что возлюбленный ее запил с горя, да так запил, что даже не заметил, как старостина дочка женила его на себе. Спустя полгода после исчезновения возлюбленной, протрезвел, очнулся, ну и люди тут же ему рассказали, что жена его на недавнем застолье подвыпив хвасталась, как легко извела «русалку», как мужа красавца отхватила, да как богато они живут. Озlobился кузнец. Дом где жил с женой поджог, сам внутрь вошел, чтобы вместе с жонкиным добром сгинуть. Да люди увидели, вытащили, а все богатство вместе с домом сгорело. Кузнец бросил ненависную жену и пропал. Так оно почти и было, только он ушел в другую деревню и ждал, когда придет туман.

– Туман? Что ты знаешь про туман? – Удивленно воскликнул Петр.

– Это не просто туман. Это дверь в другой Мир. Когда озеро потемнело, ведьма силу свою стала терять. Видно не просто отраву старостина дочка в воду плеснула. Вот и пришлось «русалочке» уйти в туман, иначе бы погибла она здесь. Кузнец ее уже на руках в твой лес, пан, нес. Ты же знаешь это место?

– Знаю. – Тихо подтвердил Петр.

– Сил не было у нее даже идти. Она его звала, уговаривала пойти с ней. Рассказывала, как любит его, как они будут счастливы, про другой Мир. А он не пошел. Побоялся. Не поверил. А ей деваться было некуда, она здесь без озера умирала.

– Откуда ты все это знаешь? – Недоуменно воскликнул Погоржельский.

– Да, тот самый кузнец мой отец. Ведьмочка, когда уходила, сказала, что туман приходит один раз в восемь лет в один и тот же день. Сказала, что она будет его ждать. Семь с половиной лет он маялся после пожара. Но так и не решился зайти в туман. Еще восемь лет бобылем проходил, ни на кого смотреть не мог. Как очередной день пришел, не выдержал, все же решился. Ушел. Да только опоздал мой батя. Когда нашел ее, замужем она уже была, трое деток малых. Не стал мешать. Походил по их Миру, людей посмотрел, а потом вернулся обратно. Женился на доброй женщине, вдове. Меня вскорости родили. До последнего дня ждал батя свою «русалочку». А мне все перед смертью рассказал.

– Значит туман придет через восемь лет.

– Да. День в день. Не бойся вернется твоя Аннушка. Жива она. Любит тебя. Надеется. – Тихо проговорил старик.

– А это откуда знаешь?

– Был я там. Уходил в туман. Дивный Мир. Люди другие. Даже время в том Мире другое. Не стареют там так быстро

как у нас. Медленнее там все. Волшебной силой народ обладает. Вот и я у них научился. Открыли они во мне что-то. Будущее я стал видеть. Вернется твоя любовь. Ты главное дожись. И выполни что пообещал.

Через несколько дней деда Федора не стало. Петр Погоржельский выполнил свое обещание. Отдав родственникам Анны деревеньки, как и предрек старик, выкупил их зимой можно сказать задаром. Проложил дорогу, мужиков организовал на ловлю и продажу рыбы. Поначалу конечно помогал продуктами. Деревни стали оживать. Озеро чистили каждый год по весне, а к осени оно опять затягивалось тиной.

Спустя несколько лет бесполезных трудов, Погоржельский вспомнил, что дед Федор говорил о каких-то родниках, что от них озеро наполнялось волшебной водой. Стали искать и нашли. Оказалось, что родники были просто завалены, замурованы, отрезаны от озера и направлены в другую сторону. Вода нашла себе новую дорожку и источники повернулись прочь от озера. Вот тебе и отрава старостиной дочки. Одна она это придумать не могла, подсказал кто-то.

Все очистили, откапали. Всей деревней родники возвращали, приносили дары, просили вернуться. И они вернулись. Вода в озере на третий год после чистки посветлела, на четвертый после очередной чистки в озере зацвели кувшинки, а на пятый от ила очистилось дно.

Так прошло еще восемь лет. Все эти годы Петр готовился. Ведь пани Погоржельскую признали мертвой. Значит если

Аннушка вернется, это нужно будет как-то объяснить людям и властям. А ему придется жениться на собственной жене уже во второй раз. Он обратился к старому другу, по совместительству крестному отцу Сони, который когда-то помог ему с документами для дочери. Тот согласился помочь. Не поверил конечно до конца, что все что рассказал ему Погоржельский является правдой. Но ради памяти Анны, согласился. И как оказалось не зря.

Анна вернулась, ровно в тот же день, как предрекал дед Федор. Вышла из тумана такой же молодой и красивой, как ушла. Евгений, который решил все же поехать с другом на место исчезновения его жены, чуть было не потерял сознание, когда увидел Анну живой. А когда следом за женой друга вышла еще одна девушка, у Евгения парализовало не только речь, но и все остальные части тела.

– Русалочка... – Выдохнул он, понимая, что его холостяцкой жизни пришел конец.

Но это уже совсем другая история.

2. Я помню.

Я помню белые столбы перед входом, до ослепительного блеска вымытые окна и запах черемухи. Когда весна расцветала в нашем саду, огромное дерево черемухи окутывало всех ароматом и белоснежностью цветов. Ранним утром, солнце еще только касалось своими лучами горизонта, а природа сонно и лениво умывалась росой, я бежала в сад к черемухе... До сих пор я вспоминаю этот запах, это очарование весны и белый черёмушкин наряд.

Это был солнечный день, теплый и не предвещающий никаких трагических событий. На крыльцо выбежала моя бабушка, схватила меня за руку и потащила за собой в мастерскую часть дома, где создавались шедевры резьбы по дереву: столы, стулья, диваны, оконные рамы, игрушки... Все это изготавливал мастер Федька Золотой. Фамилия конечно была не настоящей, «Золотой» его звали за его «золотые руки», а имя было настоящее, Федор. Со всей округи несли заказы Федьке Золотому. Но сейчас бабуля меня вела к нему явно не за тем, чтобы полюбоваться его новой работой.

– Ба, а ба, ты куда меня тащишь, что случилось-то...?

В мастерской Федьки не было. Бабуля взяла со стола и положила мне в руки бумаги, скрученные в рулон и перевязанные тонкой лентой, в один из потайных карманов моего

платья бросила деньги, в другой мешочек с драгоценностями, надела на плечо сумку с едой и тихо, как она умеет говорить, когда возражать бесполезно, сказала: – «Беги...»

Давным-давно при строительстве усадьбы был обнаружен подземный ход, долгими проходами он вел к небольшой речушке. Много лет тайна нахождения этого хода передавалась из поколения в поколение. Единственным чужаком, знавшим эту тайну, был Федя. Хотя он давно уже стал для нас с бабушкой членом семьи.

Кто построил это подземелье не помнили, но поговаривали, что лет ему не меньше тысячи. В усадьбе спуститься в проход можно было из мастерской Федьки. Второй вход случайно обнаружили в лесу, благодаря мне, чуть было по малолетству не переломавшей себе позвоночник, когда я в этот лаз провалилась.

Хотя сделано подземелье было на совесть, но со временем стала сыпаться каменная кладка, приходилось ремонтировать. Работникам щедро платили за молчание, привозили на работу под охраной с завязанными глазами, и также увозили. О ходе в усадьбе знали только свои, рабочие заходили в подземелье через лес. После ремонта вход в лесу завалили, дабы не провоцировать местных крестьян на подвиги.

– Беги, документы храни, спрячь, это твое будущее. Идти долго. Выйдешь далеко от имения, не в нашей деревне. В Дубках найдешь Ваську Курчавого, он поможет тебе добраться до города.

– Ба, а как же ты, да и что происходит?

– Лихие люди едут, я свое уже прожила, а тебя последнюю нашу кровиночку не пощадят... Когда доберешься, вскрой письмо. Оно в документах. Если через неделю не свидимся, найди в Гомеле поверенного Перегудовского. Он поможет. Дом продай и уезжай. Все, Кровинушка. Беги...

Поцеловала, обняла, перекрестила: – «Береги документы, в них твое будущее...»

И я побежала... Надеялась, что вернусь, приведу подмогу...

Когда до выхода из подземного хода оставалось несколько шагов, услышала голоса, кто-то искал подземелье. Я поняла, что если найдут, то до города не доберусь. Затаилась, вернулась вглубь хода. Села на каменный пол и разрыдалась: «Надо переждать, только бы не нашли. Только бы прошли мимо. Бабушка, как же ты там одна? Как же так? Почему?»

Имение разграбили и подожгли. Да и брать там особо было нечего. Немногочисленные драгоценности, как потом оказалось и бабушкины фамильные, забрала я. А больше ничего ценного не было.

Большая часть дохода от принадлежащих нам земель уходила на строительство дорог, на содержание школы для крестьян, больницы и небольшого дома в городе, а в неурожайные годы на закупку семян для всех деревень. На дорогие картины и интерьер мы деньги не тратили. Во многих комнатах стояла мебель, сделанная Федором Золотым, мало чем

отличающаяся от столичной. Правда была красивая посуда и столовое серебро.

Когда грабили имение, София Петровна ушла к местному старосте, тот выдал ее за свою сестру. Бандиты перетрясли всю Борисовку, искали нас с бабушкой. Крестьяне молчали. Все знали, что барыня у старосты, а барышня сбежала, но молчали. Уважали и были благодарны за достойную жизнь.

Через несколько дней придя на пепелище и увидев, разрушенное родовое гнездо, где жили родители ее мужа, где была счастлива она, сердце бабушки не выдержало, не перенесла такого горя и умерла. В Борисовке объявили сход, собрались старосты всех деревень, принадлежавших Винарским. По общему решению из оставленных Софией Петровной денег выделили необходимую сумму на похороны, оставили на памятник, а остальное разделили между деревнями, на черный день, так сказать. Отпели барыню и похоронили достойно на семейном кладбище.

Я об этом ничего не знала и неделю ждала, когда бабушка придет в город. Не дождавшись пыталась вернуться, хотела продать драгоценности, нанять людей и стереть с лица земли Реуцких. Отомстить за все беды, что они нам причинили. Но Федька запер меня в доме, охранял и не выпускал пока не выплакалась, пока не остыла от ненависти, пока не успокоилась. Все подробности мы узнали от Курчавого, который привез в город продукты на продажу.

Вход в подземелье бандиты не нашли, искали, спрашива-

ли у местных, но не нашли. Спустя много лет Федор, слегка подвыпив, случайно проговорился, что имение подожгли не бандиты. Бабушка велела, чтобы ничего не досталось чужим людям, чтобы спрятать тайный ход.

Просидела я в тоннеле до глубокой ночи. Затем все же выбралась и добралась до деревни, а оттуда на телеге Василия до города. Бабушка видимо что-то знала, потому что постоянно последние дни заставляла одевать платье с потайными карманами. Я удивлялась, но не спорила. Мне оно нравилось, простое и удобное. В одном из них самом большом я и спрятала документы. Уезжали глубокой ночью. Меня переодели, натянув сверху крестьянскую рубаху и юбку. Завернули в платок, так что виден был только нос и обули в простую обувь. Боялись, что по дороге встретим людей Реуцких.

Федька тогда уехал вместе со мной. В день нападения ждал меня у Курчавого во дворе. Хотел бежать искать, когда темнеть начало, да Васька отговорил. Сказал: «Барышня, девка смекалистая. Прибежит. Ешо надо пождать. Могём лихих людей привезти и барышню погубим».

На вопрос почему Федя не хочет возвращаться я получила неожиданный ответ. «Не буде здесья порядку», – сказал и сел рядом со мной в телегу Курчавого.

Когда-то моя бабушка выкупила его у соседа-помещика Реуцкого, дала вольную. Жить разрешила в усадьбе, а узрев талант в резьбе по дереву, выделила несколько комнат под мастерскую. Вот так и появился Федор Золотой, которого

знала вся округа. Мастерская сгорела вместе с усадьбой. Парня здесь ничего не держало. Вот и решил со мной ухать в поисках лучшей жизни. Да и Софье Петровне обещал за мной присмотреть.

Оказалось, что Софья была единственной дочерью моего прадедушки. Вышла замуж, и уехала за мужем. После смерти отца наследство приняла, но возвращаться в Царство Польское не захотела. И теперь все то, что ей завещала ее семья, досталось мне. Поверьте, золотые горы не посыпались, «манна небесная» не полилась. Хороший добротный дом, небольшой конезавод, пара деревень и счетов в местных банках. Хорошего управляющего нашел мой прадед. Даже после смерти владельца все работало как часы.

«Откуда же взялась я?» – Спросите Вы. А я, Екатерина, незаконнорожденная дочь Николая Винарского, бабушкиного сына. Я никогда не видела своего отца и не знаю кто моя мать.

В прощальном письме было написано, что отец привез меня еще грудным ребенком и оставил своей матери на воспитание. Признал, дал свою фамилию и уехал нести службу в доблестной царской армии.

Писал редко, не приезжал ни разу. Во всяком случае я таких событий не помнила. Видела отца только на картине. Софья Петровна стабильно перечисляла на банковский счет деньги назначенные ее мужем своему сыну как содержание. Спустя десять, лет мой отец погиб при странных обстоятель-

ствах.

Именно об этих обстоятельствах и писала бабушка в своем прощальном письме. Николай Винарский не был даже похоронен, ввиду отсутствия трупа. Утонул, по показаниям свидетелей. Хотя мне было сказано, что похоронен он далеко на чужбине и нам туда не добраться.

Через несколько лет после смерти отца, к нам приехал один из его сослуживцев, а также наш дальний сосед, Михаил Реуцкий. Сообщил бабушке, что Николай, незадолго до смерти, проиграл ему имение в карты и потребовал возврат долга. Из представленных документов, была только расписка, написанная рукой моего отца и с его подписью, на очень большую сумму карточного долга. Взамен Реуцкий требовал либо баснословных месячных выплат, либо отдать ему большую часть земель.

Моя бабушка в ответ показал копии документов, оригиналы были спрятаны, подтверждающие владение ею землями Винарских по праву наследования и отказала Реуцкому в выплате долга, так как имение Николаю никогда не принадлежало и распорядиться он этим имуществом не мог.

Бабушкин муж, Евгений Винарский, знал, о пагубном увлечении своего сына и составил завещание так, что Николай мог только получать определенный денежный доход. Все имущество и земли унаследовала после мужа его любимая жена, Софья Петровна.

Реуцкий был не просто разочарован, он был в ярости. Он

понял, что просто так Винарских не возьмешь и начал действовать низко и подло. Нанимал воров, чтобы те проникли в дом и украли подлинные документы, травил скот, портил дороги... Но бдительные крестьяне вовремя доносили барыне о всех злодеяниях соседа и с неприятностями быстро справлялись.

Противостояние длилось долгих пять лет. И что странно в суд Реуцкий не подавал, хотя мог. Видимо что-то с этой распиской было не так. Бабушка это сразу заподозрила, ей показалось, что основная часть расписки, где была указана сумма долга, как будто была написана другой рукой. Но подпись была точно Николая Винарского.

Я знала о том, что нам все время пакостил какой-то сосед. Но то, что это связано с моим папой, бабушка мне не рассказывала. Не хотела, чтобы внучка думала об отце плохо. И вот только читая прощальное письмо я узнала подробности.

А потом к нам в имение с визитом любви и дружбы приехал сын Михаила Реуцкого. Симпатичный, образованный, чем не жених? Но мне он не нравился. Его вежливые слова пестрили лестью, а, казалось бы, нежные ухаживания были наиграны и не естественны. Бабушке он кстати тоже не нравился. Никакие рассказы Сергея Реуцкого о дружбе между соседями и о сожалении о стольких годах вражды, в искренности чувств новоиспеченного жениха, Софью Петровну не убедили. Но приезжать в имение она ему разрешила и попросила меня быть внимательной и осторожной. «Худой мир

лучше войны. А там посмотрим», – сказала бабушка.

Сергей был старше меня на 4 года. В день моего совершеннолетия он попросил моей руки у бабушки, совершенно не интересуясь моим мнением и не спросив у меня согласия. Я сказала нет и естественно бабушка меня поддержала. Это стало последней каплей для погрязших в долгах Реуцких. Из письма я узнала, что это они наняли бандитов, чтобы убить бабушку, под видом ограбления. А потом меня, как единственную наследницу из Винарских, опозорить и принудить к браку с Сергеем. Об этом за несколько дней до трагедии бабушке рассказали сердобольные крестьяне, случайно подслушавшие откровения пьяного управляющего из имения нашего соседа. Случайно ли?

Перегудовский помог мне продать дом в Гомеле и снять небольшое жилье, пока оформляли документы для вступления в наследство по завещанию Софьи Петровны и искали управляющего на земли Винарских. Раньше все контролировала бабушка, я бы ее не подвела, но после произошедшего мне появляться в имении было опасно.

Я боялась, что Реуцкий меня найдет, да и деньги, переданные мне бабушкой, быстро закончились. Поэтому продала дом как можно быстрее и сняла небольшую квартиру, выбирая район подальше от бывших соседей. Заплатила Курчавому за помощь. У Перегудовского услуги тоже были не бесплатными. Всем знакомым сказала, что после смерти бабушки не могу здесь оставаться, поэтому срочно покидаю

город.

На самом деле мы пробыли в Гомеле еще несколько месяцев. Федька жил со мной, выдавая себя за слугу. Деньги категорически отказался брать. Сказал, что покойная барыня его не обижала, так что свои есть. Еле уговорила покупать продукты за мой счет. Всячески помогал по хозяйству, охранял. Пару раз ездил в Борисовку, узнать последние новости и отдать мои распоряжения старостам. Когда все дела были решены, мы уехали. К бабушке на могилку я попала только спустя несколько лет, будучи уже замужем.

До 1860-х годов в законодательстве чаще использовалось название «Царство Польское», редко – «Польша». В 1860-х годах эти названия стали заменяться словосочетаниями «губернии Царства Польского». 5 марта 1870 года повелением Александра II было предчертано именовать российскую Польшу «губерниями Царства Польского», однако в ряде статей Свода законов Российской империи наименование «Царство Польское» сохранилось.

Прошло много лет с тех пор. Я уже давно живу в Польше, у меня замечательный муж, растет сын. Ждем рождение второго ребенка, надеемся, что будет девочка, но рады будем любому продолжателю нашего родового дерева. Прадедушка оставил мне наследство в небольшом польском городке на берегу Балтийского моря. Если бы не документы, вывезенные из имения, я никогда бы не доказала, что имею на него право.

Бабушкины драгоценности я сохранила. Их немного: серьги, браслет и колье. Очень искусная и тонкая работа, сапфиры в золоте. Надеюсь передам по наследству своей дочери.

Федька кстати открыл мастерскую, построил свой дом, наконец-то женился, ждут пополнение. Я его уговариваю расширяться, уж больно качественная и красивая мебель выходит из его мастерской.

Мой муж продолжил дело прадедушки и довольно успешно, хочу вам сказать. Лошадей к нам едут покупать из всего Царства Польского. После пережитых злоключений я долго приходила в себя. Моему тогда еще жениху понадобилось много терпения и любви, чтобы завоевать мое доверие. А с доверием пришла и любовь.

А еще мне по наследству от прадедушки досталась старинная книга и странный амулет с изумрудом. Но это уже другая история.

3. Признание.

Как хочется дотронуться до твоих губ, обнять тебя и помолчать, хотя бы несколько минут помолчать рядом с тобой. Сколько прекрасных слов мы знаем, но ни одно из них не может выразить и определить истинный смысл любви, истинное значение дара, которым наделяет нас этот мир.

Как хочется ощутить свои ладони в твоих сильных руках, почувствовать себя защищенной от любых бед и невзгод.

Я так хочу стать для тебя хотя бы другом, другом с которым ты будешь говорить обо всем, которому ты будешь доверять, понимать и может быть любить. А те дни и ночи, которые мы проведем вместе, будут самыми счастливыми..., для нас двоих.

Я никогда и ни в чем не упрекну тебя. У каждого, свой путь, своя судьба. Я буду рада каждой нашей встрече, каждому дню, проведенному рядом с тобой. Ты очень нужен мне.

Я прошу тебя, будь со мной. Да, я прошу о любви, обыкновенной земной любви. Я знаю дорога будет разлучать нас. Но мы столько лет шли к друг другу. Пожалуйста, позови меня, напиши мне, позвони. Я приму тебя таким, какой ты есть. Я хочу исправить ошибку, совершенную когда-то. Прости меня, прости, что так долго не могла сказать тебе простое слово «да».

Пожалуйста, помоги мне, помоги открыться тебе, впусти тебя в свою душу, стать частью твоей жизни. Помоги...жить, когда тебя нет рядом...

4. Своих не бросаем.

Они уже почти поднялись на третий этаж, осталось совсем чуть-чуть, и вдруг Анна услышала или скорее почувствовала: «Не останавливайся! Беги. Ты должна успеть.» Внутри похолодело. Позже, она будет часто вспоминать этот день, искать объяснение тому, что произошло, и пытаться понять откуда пришло спасительное предупреждение. Ее явно кто-то предупредил. «Кто? Чей голос она слышала? Неужели Богиня Дита?»

А сейчас Анна инстинктивно продолжала бежать вверх по лестнице. Наконец сработал защитный амулет, подтверждающий надвигающуюся опасность у нее за спиной. Девушка остановилась и резко развернулась, врага нужно встречать лицом к лицу.

По перилам, слишком быстро для ползучих, Анну догнала крупная змея. Нет, скорее какой-то гибрид. Голова как у о-очень большого удава, а туловище обыкновенной гадюки. И эта гадина ползла по перилам не медленнее, чем бежал бы по лестнице вверх человек. Размышлять было некогда. Змея, оттолкнувшись хвостом и раскрыв пасть в прыжке, летела на девушку.

Аня, мгновенно активировав защиту, одним движением правой руки схватила змею за туловище возле самой головы,

левой зажала туловище посредине и резким рывком повернула против часовой стрелки, разорвав тварь на части. На ступени потекла черная жижа.

– Осталось подняться на один этаж, и я буду у цели. Маша... Где Маша, почему я не слышу ее шагов? – Подумала девушка и понеслась вниз искать свою напарницу.

Бросать даже уже мертвую змею было опасно, пришлось тащить за собой. Пробежав один пролет, Аня увидела Машу. Напарница полулежала на полу и казалось, дышала через раз. Точно такая же гадина впиалась девушке в руку. Аня бросила на пол куски туловища своего врага и хотела дернуть вторую змеюку, чтобы оторвать от Машинной руки, но опять внутри появилось четкое осознание и понимание: «Этого делать нельзя».

Твари, подобные этим, не выпускали обычный змеиный яд, а высасывали магию и жизненную силу. Почувствовав опасность, могли мгновенно лишить человека жизни, впрыскивая в магические каналы блокирующее проклятие, противоядия от которого не было. Аня этого не знала, не было таких темных порождений в учебниках. С такими гадами они еще не сталкивались.

«Какая же тварь это создала? Явно же магическое порождение. Кто знал, что мы идем на задание? Кто нас предал? – Паниковала, но понимала, что бросить Машу не сможет.

«Всемиловитая, Богиня Дита, помоги! Подскажи что делать?» – Взмолилась девушка.

То ли Богиня, в этот раз услышав зов Посвященной, ответила, то ли Анна всегда слышала ответы Диты, но думала, что сама догадывается, но в ее голове прозвучала четкая фраза:

«Нужна темная кровь».

– Точно! Кровь! Нужно капнуть той черной жижей, что вытекала из туловища убитой змеи, на ту, что убивает Машу. Но куда тут капать? Голова! Глаза! Точно! На глаза! – Воодушевленно воскликнула девушка, схватила туловище мертвой змеи и поднесла в Машиной руке.

Маша на глазах теряла силы, а змеюка, вцепившаяся в руку напарницы, с каждой минутой толстела и расширялась от переполнявшей ее магии. Анна со всей силы сдавила туловище мертвого врага. Змеиная жидкость засочилась, и густые крупные капли зашипели на глазах гадины, прикрытых от удовольствия и сладости вкушения девичей жизненной силы. После первых капель змея немного ослабила хватку. Теперь главное не пропустить момент, иначе можем погибнуть обе.

Анна выдавила еще несколько капель и тихо опустила туловище на пол, аккуратно отодвинув ногой подальше. Укрепила защиту и как только змея разжала пасть, немедленно ни секунды, схватила ее и мгновенным движением оторвала голову. Все эти действия совершались девушкой по необъяснимому плану, как будто она точно знала их последовательность. Под воздействием этого же плана, разбросала части

змеиных тел в разные стороны. Туловища отдельно, головы отдельно.

Чтобы вернуть потерянную жизненную силу, Маше придется восстанавливаться годами. Остается надеяться, что Архимаги знают, как с этим справиться, и помогут напарнице.

– Мария, очнись, нам нужно дойти, мы должны подняться на верх. Очнись. Маша, пожалуйста, дай мне хоть какой-то знак.

Укушенная девушка не реагировала. Аня опустилась перед ней на колени, достала из потайного кармана артефакт-накопитель и, активировав его, вложила в руку Маши, пытаясь подпитать ее магией. Но ощутимого результата это не дало. Девушка застонала, но глаза так и не открыла.

– Если ты меня слышишь, кивни или пошевели рукой.

Напарница еле заметно наклонила голову.

– Мой артефакт уже почти пустой. У тебя должен быть такой же. Мне нужен твой рюкзак.

Аккуратно, чтобы не задеть укушенную руку, Аня сняла с Машиной спины рюкзак. Нашла, активировала второй артефакт и вложила его в другую руку напарницы. Через несколько минут Маша пошевелила здоровой рукой и открыла глаза.

– Оставь меня, – произнесла одними губами.

– Ага. Сейчас. Спешу и падаю, – рыкнула в ответ Анна.

– Лучше подумай, что нам делать с этими паразитами.

Оставлять их здесь нельзя. Нужно понять, что это такое и кто на нас их натравил. Но как нести с собой? Если у них есть хозяин, то он может не только управлять этими тварями, но и помочь им восстановиться, вплоть до срастания головы с туловищем. Тем более, что одна из них хорошо наелась. Смотри, я ей голову оторвала, а она даже не похудела.

– Мешки, – опять прошептала Маша.

– Мешки?

В рюкзаке Анны никаких мешков не было, это она знала точно, поэтому сразу же стала исследовать рюкзак напарницы. В нем в глубоком потайном кармане нашлось три небольших мешка из плотной ткани, пропитанной чем-то жутко вонючим.

«Как только рюкзак не завонялся», – подумала девушка, – «Интересно, для чего Маше эти мешки?»

Пропитка была настолько плотной, что прокусить или разорвать ткань невозможно. Это как раз было то, что нужно. Очень подходило для упаковки напавших тварей. Один мешок был побольше, а два остальных поменьше.

«Так, один – две головы, в два других по туловищу. Странное совпадение. Неужели Маша что-то знала и подготовилась? Если знала о ловушке, тогда почему не отразила нападение?»

Мысленно рассуждала Аня, запихивая змеиные туловища и головы в мешки.

– Маша, соберись, нам нужно уходить. Находиться здесь

больше нельзя. Нас могут преследовать. Мы не знаем кто на нас охотится. Или ты что-то знаешь? Откуда у тебя заготовленная специализированная упаковка? Мешки явно рассчитаны на каких-то кусачих тварей.

Маша прикрыла глаза и зашептала: «Я знала, что будет ловушка, но не о такой подставе шла речь. Все должно было произойти в обычном рабочем варианте, по разработанной программе. Как тренировка, а не убийство. В мешках мы должны были принести доказательство, что справились с заданием. Это должны были быть грызуны-умертвия. Вот этих тварей я вижу впервые.»

– Почему я об этом ничего не знаю, почему никто не предупредил? Ведь мне просто повезло, Маш, понимаешь? Просто повезло, что я почувствовала опасность до того, как на меня напали. Предупреждающий артефакт сработал слишком поздно. Мы бы сейчас с тобой уже не разговаривали. – Возмутилась Анна.

– Я не знаю. Мой артефакт тоже сработал слишком поздно, поэтому я не успела выставить защиту.

На Марию жалко было смотреть, но медлить больше было нельзя, нужно идти. На месте будем разбираться. Тот, кто пытался нас убить на обычном тренировочном задании, почувствовав, что мы живы, мог решить завершить начатое. Распределив пустые артефакты-накопители и мешки по рюкзакам, Аня закинула их оба себе на спину. Затем помогла Маше повернуться и встать на колени, опираясь на стену.

– Давай, напарница, вставай. Обопрись на меня и вставай. Нам нужно дойти.

И Маша встала. Со стоном, то ли от злости, то ли от слабости, до хруста сжимая зубы. Аня практически взвалила девушку на себя. Шаг, еще шаг, еще...Дойдем. Обязательно дойдем. Выбора нет. Своих не бросаем.